

Нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым, признающим, что «слова эти справедливы до сих пор. Многочисленные догадки о том, кто был этот певец — поэт Боян, пока что произвольны».¹ Произвольны и не обоснованы, на наш взгляд, и догадки об оторванности Бояна от действительности. Сам текст «Слова о полку Игореве» не дает нам никаких оснований думать, что его автор считал Бояна певцом, искажающим исторические факты. В произведении нет ни одного места, где бы прямо или косвенно говорилось о вымысле, домьслахе, обмане или «романтизме» Бояна. Еще более произвольным кажется нам мнение И. У. Будовнича, что Боян увлекался «показной стороной дела, звоном мечей и топотом коней, батальными картинами и описанием удалства русских сынов, независимо от того, к чему это удалство привело».² Все высказывания поэта о Бояне говорят как раз о том, что отношение автора к певцу было противоположным тому, которое ему приписывают. Автор «Слова» постоянно называет Бояна вещим, т. е. «сведущим, мудрым, знающим то, что другим не дано знать».³ Приведенная в «Слове» боянова характеристика князю Всеславу: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда бо жиа не минути», кажется автору правильной, точной оценкой деятельности этого князя, он даже нашел возможным сослаться на нее. Как сообщает автор «Слова», темами песен Бояна были дела и исторических личностей: князей Ярослава, Мстислава, Романа и др.

Говоря о фантазии Бояна, о его отрыве от жизни, чаще всего ссылаются на следующее место произведения: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслю по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подь облакы». Из этого замечательного поэтического образа можно заключить только то, что Боян был певцом искусным и вдохновенным, но этот образ не дает никаких оснований для утверждения об оторванности Бояна от действительности или об искажении им действительности. Таким образом, видеть в замыслениях Бояна вымыслы абсолютно беспочвенно.

Многие исследователи считают, что во вступлении автора волнует вопрос жанра. «Буйной фантазии Бояна» он хочет противопоставить свой рассказ «по былинам сего времени», т. е. «в соответствии с историческими повестями (разрядка моя, — В. С.) своего времени».⁴ Эта точка зрения, встречающаяся и сегодня, отразившаяся даже в школьных и вузовских учебниках, ведет свое начало тоже от трудов Вс. Миллера и Е. В. Барсова. Но последовательного рассказа, как в повестях или в летописи, в «Слове о полку Игореве» мы как раз и не находим. Получается явное противоречие, давно уже замеченное: «... на словах отказавшись следовать за Бояном, — пишет Н. К. Гудзий, — автор то и дело идет по его стопам и вместо традиционной воинской повести создает одновременно страстную лирическую песню и волнующее публицистическое произведение, сам становясь судьей не только настоящего, но и прошлого русской истории, неоднократно отвлекаясь от описаний, чтобы перейти к рассуждениям и размышлениям».⁵ При таком толковании вступление теряет всякий смысл, так как автор следует как раз обратному пути, который он только что избрал. Теперь оно уже не имеет ни смыслового, ни композиционного значения.

¹ Слово о полку Игореве (Библиотека поэта, малая серия), Л., 1949, стр. 166.

² И. У. Будовнича, ук. соч., стр. 155.

³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, стр. 502.

⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953, стр. 125.

⁵ Там же, стр. 125.